с трудом земледельца. Девгений сражается с вражеским войском, «яко же добры косец траву положи», или бьется с супостатами, «яко добры жнец траву сечет».[141]

Стремясь возвеличить ратные подвиги Девгения, русский переводчик с особым удовольствием описывает, как он, перебив одну половину вражеского воинства, взял другую их половину в плен, «перевяза, яко пастух овец перед собою погна». В данном случае переводчик не боится вступить в прямое противоречие с оригиналом поэмы, где говорилось, наоборот, о том, как Дигенис жестоко бился с врагами и ни одного из них не оставил в живых.[142]

Если в греческом тексте «Дигениса» названия зверей, как правило, приводятся вовсе без эпитетов, то в древнерусских списках перевода наблюдаем обилие таких постоянных эпитетов, как «лютый» (зверь), «младый» (сокол), «борзый» (конь) и др. Последнему эпитету обычно соответствуют в греческом «отважный», «смелый» (τολμηρὸς καὶ θρασὺς ἵππος).[143]

Наоборот, как отмечает В. Д. Кузьмина, эпитеты, связанные с понятием «золотой», часто совпадают в греческом и в русском текстах. Несомненно греческого происхождения, например, эпитеты, передающие восторг Стратиговны перед красотой юного Девгения: «О свет светозарный, прекрасное солнце!».

Таким образом, русский переводчик «Девгеньева деяния» не во всем и не везде полностью следовал своему подлиннику. Он брал из греческой поэмы сравнения, эпитеты, метафоры и другие изобразительные средства либо в соответствии с книжной, либо с народно-поэтической традицией, привычной его соотечественникам.

М. М. Копыленко исследует гипотактические конструкции в таких переводных произведениях, как Хроника Малалы,[144] Хроника Георгия Амартола[145] и «Александрия».[146] Он сравнивает структуру сложноподчиненных предложений в этих памятниках с синтаксическим строем оригиналов. При этом устанавливается, что славянские переводы значительно богаче в отношении сложных синтаксических конструкций, чем греческие подлинники. Это синтаксическое богатство и разнообразие в переводных текстах объясняется главным образом тем, что греческие простые предложения с зависимыми инфинитивами, с причастными оборотами и другими членами предложения заменяются обычно сложноподчиненными предложениями с придаточными различных видов.

Так, в «Хронике» Амартола зависимый инфинитив в функции дополнения передается дополнительными придаточными с союзом «да» и со сказуемым в форме изъявительного или сослагательного наклонения. Подобный же инфинитив в значении обстоятельства заменяется в переводе тоже придаточным цели с союзом «да» и изъявительным наклонением. Инфинитив в функции обстоятельства причины находит себе соответствие

---

[141] Там же, стр. 76.
[142] Там же.
[143] Там же, стр. 77.
[144] М. М Копиленко. Із спостережень над історією гіпотаксису. Гіпотактични конструкції «Хроніки» Іоанна Малали, пам'ятки перекладної літератури X ст. — Праці Одеського держ. університету Ім. І. І. Мечникова, Збірник Філологічного факультету, т. III, 1953.
[145] М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — Византийский временник, т. XII. М., 1957, стр. 232—241.
[146] М. М. Копыленко. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Александрии»). — Византийский временник, т. XVI. М., 1959, стр. 82—91.